

Кабакова Н. В. «Переписать всяких чинов людей и пришлых из русских и поморских городов»: миграции в Тарском уезде в конце XVII века / Н. В. Кабакова // Научный диалог. — 2021. — № 9. — С. 0—00. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-00-00.

Kabakova, N. V. (2021). “To Rewrite All Ranks of People and Newcomers from Russian and Pomor Cities”: Migrations in Tara District at End of 17th Century. *Nauchnyi dialog*, 9: 00-00. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-00-00. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-00-00

**«Переписать всяких чинов
людей и пришлых
из русских и поморских
городов»: миграции
в Тарском уезде
в конце XVII века**

Кабакова Наталья Васильевна
orcid.org/0000-0002-5133-1286
кандидат исторических наук, доцент
кафедра философии
natalya-kabakova@rambler.ru

Сибирский государственный
автомобильно-дорожный университет
(Омск, Россия)

Благодарности:

Работа выполнена
в рамках реализации проекта РФФИ
№ 20-09-42054 «Статика перемен как
тренд развития окраин Российской
империи в Петровскую эпоху
(на примере Тарского Прииртышья)»

**“To Rewrite All Ranks
of People and Newcomers
from Russian and Pomor
Cities”: Migrations in Tara
District at End of 17th Century**

Natalia V. Kabakova
orcid.org/0000-0002-5133-1286
PhD in History, Associate Professor
Department of Philosophy
natalya-kabakova@rambler.ru

The Siberian State Automobile
and Highway University
(Omsk, Russia)

Acknowledgments:

The reported study was funded by RFBR
project number 20-09-42054
“Statics of changes as a trend in
the development of the outskirts
of the Russian Empire in the Peter’s era
(on the example of the Tara Irtysh region)”

© Кабакова Н. В., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучаются переселенческие процессы, протекавшие на территории Тарского уезда Тобольского разряда в конце XVII века. Источником для исследования стала Дозорная книга Тарского уезда 1701 года. Отмечается, что главными участниками переселений являлись служилые люди и крестьяне, при этом значительная их часть прибывала в Сибирь по призыву властей, немногие перебирались добровольно. Рассматриваются причины миграций, как организованных государством, так и самостоятельных, имевших стратегический, социально-экономический характер. Выделяется два типа миграций: внешних, осуществлявшихся из европейской части страны, и внутренних, происходивших на территории сибирского региона. Показано, что приток жителей и их последующее перераспределение в самом крае обуславливали появление новых населенных пунктов, способствуя созданию ареала сплошного расселения. Произведены подсчеты количества мигрантов, прибывавших в Тарский уезд в конце XVII века, выявлены селения, в которых учтено наибольшее их число. Установлено, что самыми активными участниками миграционных процессов в Тарском уезде были крестьяне, значительная доля переселенцев приехала сюда в 1690-е годы. Сделан вывод о потенциале Дозорной книги 1701 года в плане воссоздания целостной картины колонизации Сибири в конце XVII века.

Ключевые слова:

миграции; крестьяне; служилые; Дозорная книга; Тарский уезд.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the study of the resettlement processes that took place on the territory of the Tara district of the Tobolsk category at the end of the 17th century. The source for the study was the Tara County Sentinel Book of 1701. It is noted that the main participants in the resettlement were service people and peasants, while a significant part of them arrived in Siberia at the call of the authorities, few moved voluntarily. The reasons for migrations, both organized by the state and independent, of a strategic, socio-economic nature, are considered. There are two types of migrations: external, carried out from the European part of the country, and internal, occurring on the territory of the Siberian region. It is shown that the flow of residents and their subsequent redistribution in the region itself caused the emergence of new settlements, contributing to the creation of an area of continuous settlement. Calculations were made of the number of migrants who arrived in the Tara district at the end of the 17th century, and villages were identified in which the largest number of them was considered. It has been established that the most active participants in the migration processes in the Tara district were peasants; a significant proportion of immigrants arrived here in the 1690s. A conclusion is made about the potential of the 1701 Sentinel Book in terms of reconstructing an integral picture of the colonization of Siberia at the end of the 17th century.

Key words:

migration; peasants; servicemen; Sentinel Book; Tara district.

УДК 94(57):314.72(=161.1)+930.2

«Переписать всяких чинов людей и пришлых из русских и поморских городов»: миграции в Тарском уезде в конце XVII века

© Кабакова Н. В., 2021

1. Введение

Миграционное движение русских, развернувшееся в XVII веке в восточном направлении, обуславливалось постепенным закреплением вошедших в состав России земель Сибири, огромные пространства которой требовали и охраны, и освоения. Подобные вызовы определяли главных участников переселенческих процессов: служилых с военными знаниями и опытом и крестьян с сельскохозяйственными трудовыми навыками. Первоначально прибывавшие в сибирский край представители военного сословия обязывались, с одной стороны, обеспечить стабильные условия жизнедеятельности, ограду от набегов южных кочевников, для чего, в числе прочего, они брались за строительство русских форпостов, защищая тем самым будущее мирное существование земледельцев. По мере появления первых русских крепостей, постепенно разворачивавшихся далее в восточном и южном направлениях, создавались возможности освоения новых, наиболее плодородных угодий, что определялось важнейшей хозяйственной необходимостью, обусловленной требованием наладить самообеспечение хлебом местных русских жителей в ситуации непрерывного притока населения.

Традиции изучения миграций, связанных с перебазированием русских жителей из европейской части России в Сибирь, возникли в отечественной историографии в конце XIX века. Одним из первых, кто обратился к исследованию данного вопроса, стал П. Н. Буцинский, определивший характер переселений в регион с вычленением роли государства в их организации [Буцинский, 1889]. В советской исторической науке изучением колонизации Сибири занимался В. И. Шунков, акцентировавший внимание на крестьянах, составивших значительную долю мигрантов, а также на политике властей по обеспечению пополнения жителями из европейской части страны ее восточной территории [Шунков, 1946]. А. А. Преображенский исследовал социально-экономическое развитие урало-западносибирского региона, выявляя особенности внутрирегиональных потоков, связанных с распространением населения Приуралья по Тобольской губернии [Преображенский, 1972]. Омский историк А. Д. Колесников рассматривал источники и темпы роста количества жителей, изучая соотношение механи-

ческого и естественного увеличения русского населения Западной Сибири [Колесников, 1973]. Исследования по освоению Сибири пополнились публикациями архивных документов, раскрывающих способы привлечения крестьян из европейской части России в восточные территории страны [Земледельческое хозяйство ..., 2001].

В последние десятилетия обнародованы труды, связанные с разнообразной проблематикой колонизации Сибири, среди которых были работы, направленные на выявление роли различных социальных слоев населения, посвященные военному [Никитин, 1988; Никитин, 1991; Пузанов, 2010; Пузанов, 2018] и религиозному [Рябцева, 2013] факторам в освоении края. В ряде статей определялось значение представителей отдельных родов в качестве основателей сибирских населенных пунктов, прослеживается дальнейшая судьба как их потомков, так и деревень, ими заведенных [Колева, 2014].

Немалый интерес представляют исследования, позволяющие углубить современные представления об этническом составе прибывавших в Сибирь жителей, соотношении в их составе русского и нерусского населения, определяющие «доли» иноземцев как с Запада, так и с Востока [Зув и др., 2010; Раев и др., 2004]. Этнографические исследования раскрывают адаптационные пути и возможности, применявшиеся переселенцами на отдельных территориях [Липинская, 1996], устанавливают численность вновь прибывших в определенных местах в течение конкретных десятилетий XVII — начала XX веков с указанием особенностей взаимодействия мигрантов с индигенными жителями [Бакиева и др., 2013].

Нередко работы, нацеленные на изучение миграционных процессов в западносибирском регионе, приобретают междисциплинарный характер. Это, к примеру, монография Т. Б. Щепанской, где исследуется социоритуальная сфера человеческих взаимодействий в дороге, реконструируются знаки и символы как элементы текста дороги, изображаются поведенческие дорожные нормы [Щепанская, 2003]. Новым научным направлением стала антропология движения с ее визуальными технологиями, отталкивающимися от импульсов и характеристик колонизационных процессов, изучающая их стратегии и механизмы, определяющая миграции как наиболее яркие проявления социального движения [Головнев, 2009; Головнев, 2015].

В данной статье рассматриваются переселенческие процессы, которые происходили на территории Тарского уезда в конце XVII века. Их главными участниками являлись служилые и крестьяне, составлявшие основную часть жителей региона. Отправной точкой исследования стала Дозорная книга Тарского уезда 1701 года (далее — ДК), созданная по велению Петра Первого дворянином Иваном Родионовичем Качановым для упорядо-

чения системы налогообложения в крае. В этом документе зафиксирована информация о населенных пунктах, жителях, их занятиях и имуществе [Бережнова и др., 2013; Бережнова и др., 2014]. В преамбуле к нему от царского имени указывалось переписать «всяких чинов людей и пришлых из русских и поморских городов: имена, отчества и прозвища, из которого города уроженцы и за кем жили, как давно в Сибирь пришли, <...> в котором году и по какому указу поселились и на каких землях» [РГАДА, л. 1]. Подобное распоряжение стало основанием в обеспечении ДК сведениями о миграционных процессах, протекавших на территории Тарского уезда в последние десятилетия XVII века.

2. Причины миграций в Тарский уезд

Тарский уезд, раскинувшийся на юге Западной Сибири, входил в состав Тобольского разряда, сохраняя значение важного рубежа русских владений на протяжении всего XVII и начала XVIII веков. Тара изначально появилась как крепость, основанная русскими казаками для разгрома Кучума, а впоследствии послужила для налаживания контроля за торговыми путями, следующими из Средней Азии, и, конечно, для обороны земель. На Тару также возлагались надежды, связанные с поставками соли с богатых прииртышских месторождений.

Составителем ДК И. Р. Качановым перечислено 48 русских населенных пунктов Тарского уезда, существовавших в 1701 году, самым крупным из которых являлся город Тара. Остальные распределялись тремя группами — по реке Оше (15 деревень), «вверх по Иртышу» (14 деревень и 2 слободы) и «вниз по Иртышу» (15 деревень и слобода). Подобное расположение наглядно отражает явление, называемое «сползанием населения к югу», давно подмеченное и охарактеризованное исследователями Сибири. Суть данного процесса состоит в освоении жителями территории сибирского региона с севера на юг и с запада на восток и в соответствующем же распространении ареала русских селений. Так и в Тарском уезде в конце XVII века большая часть деревень сосредотачивалась над Тарой, на севере, в нижней части Иртыша (вкупе с селениями по Оше), и, соответственно, меньшая — на юге, вверх по Иртышу. Данное обстоятельство во многом объясняется отсутствием четко выраженных южных границ: местность вниз по Иртышу была уже надежно прикрыта военным гарнизоном города, тогда как земли на юге, пока еще не прочно укрепленные Российским государством, находились в зоне постоянной угрозы внезапных набегов со стороны степняков. Тем не менее южные просторы, обильные плодородными угодьями, влекли жителей края, и они в течение второй половины XVII века стали обустраиваться выше Иртыша от города Тары.

Однако ДК не давала подлинного представления о числе русских селений, поскольку И. Р. Качанов фиксировал только официально известные слободы и деревни. Созданная в этот же исторический период карта, изобразившая Тарский уезд — Хорографическая книга — демонстрировала наиболее детальную картину с 24 населенными пунктами вниз по Иртышу и 25 — вверх по Иртышу [Кабакова и др., 2019, с. 168—169]. Объяснение подобного несоответствия заключено в том, что автор Хорографической книги Семен Ульянович Ремезов учитывал не только известные деревни, но и небольшие деревушки, и совсем маленькие заимки, население которых, расширяя свои владения, заводило пашни на новых местах поначалу «наездом», а в дальнейшем устраивало, помимо времянок, основательное жилье, перевозило семьи. Так, к примеру, названное ДК «село Изюцкое от реки Иртыша с версту над озером Изюком на горе» [РГАДА, л. 292 об.] представлено в Хорографической книге уже в окружении целого куста деревень (не упомянутых И. Р. Качановым) — Прокудиной, Павловой, Паньиной, Онтипиной, Можайтиновой, Вороновой, деревней Черняева — в обрамлении деревень Заливиной, Бархатовой, Бородиной, а слобода Биргамацкая — Шибановой, Резиной, Оброскиной и др. [Хорографическая ..., л. 92—93].

О динамике переселенческих процессов, разворачивавшихся в конце XVII века, косвенным образом свидетельствует неустойчивость в наименованиях ряда селений: село Спасское (или Ложниково), называемое и по местной церкви Всемилошного Спаса и по фамилии одного из своих первооснователей; деревни Кубрина (или Сарина), Свидерская (или Зубова) и другие, заведенные служилыми, в честь которых они обозначались в ДК. В Тарском дозоре встречается интересный казус в описании деревни Мамешевской, расположившейся на острове над озером Мамешевским. Два ее служилых учтены как «родом» из Мамешевой. При этом два других человека указали уже, что они «родом» из деревни Киселевой. В описаниях владений жителей упоминается ее название и как Мамешевской, и как Киселевой, записаны четыре дворовладельца с фамилией Киселев, зафиксированы «роспаша Данилка Киселева» [РГАДА, л. 284—290 об.]. Все эти факты возможно интерпретировать как свидетельства недавнего основания Мамешевской—Киселевой, а потому и не закрепившегося к моменту составления дозора окончательного названия этой деревни.

Необозримые пространства Тарского Прииртышья обещали широчайшие перспективы разворачивания различных видов хозяйственной деятельности, прежде всего в области хлебопашества, что становилось особо ценным обстоятельством в условиях нехватки плодородных земель в уже осваиваемых северных районах. Потому именно аграрная направленность оказалась основой колонизации Тарского уезда, определив соединение го-

сударственных и народных интересов и обусловив сопряжение двух разнородных факторов в развитии сценариев переселений — организованного властями и добровольного. Процесс освоения русскими жителями южной части западносибирского региона инспирировался правительством, переводившим население из европейских районов страны и перераспределявшим его внутри края.

Причины отправки жителей центра России в Сибирь ДК не определяла, но хронологическое соотнесение ряда случаев с историческими событиями позволяет учитывать различные обстоятельства. Среди них и окончательное установление в середине XVII века крепостного права с увеличившимися возможностями воздействия для помещиков в отношении крестьянства, и наступление на привилегии стрельцов как военной элиты, что не могло не вызывать недовольства в войске, приводило к конфликтам с властью. Поэтому среди оказавшихся в Тарском уезде не по собственной воле названы помещицЫ крестьяне: Демка Савин сын Вахомин, присланный в деревню Сеиткулову Верхнюю в 1672 году, ранее живший в Москве «за боярином за князем Петром Семеновичем Прозоровским», Фролка Иванов сын Романов, отправленный в Татмыцкую слободу в 1691 году из Арзамаса, где числился «за дворянином Алексеем Федоровым сыном Ульяновым» [РГАДА, л. 228, 257]. Встречались в Тарском уезде сосланные служилые: стрельцы Трошка Козьмин и Петрушка Терехов из Москвы, рейтар Васька Романов из Суздаля.

Отправляя людей в восточные части страны, государство становилось инициатором заведения новых селений, особенно если этого требовали стратегические обстоятельства. Именно так возникли слободы Тарского уезда: Аевская, Биргамацкая и Татмыцкая, — для строительства и дальнейшей обороны которых командировались служилые люди. Осуществляя поставленную задачу, создатели этих селений — казаки — должны были заниматься земледелием, что являлось необходимым условием их существования в ситуации постоянной нехватки хлеба, ответственность за обеспечение которым сибиряков изначально брала на себя власть. Казалось бы, сам факт «врастания» в хозяйственную жизнь служилых должен был обозначать укоренение на конкретной территории. Однако характер военной службы в любой момент мог потребовать выполнения приказов, связанных с передислокацией на новое место. Да и сам по себе фактор наличия ресурсов для экстенсивного развития земледелия с обилием свободных территорий создавал условия и возможности для дальнейшего разочаривания переселенческих процессов уже внутри региона.

Помимо организованных властями миграционных процессов, происходили и самостоятельные, добровольные переезды людей, «охочих» до

жизни на новом месте. Подобный поток не мог быть значительным в условиях существовавших трудностей, связанных с разрешениями на переезды, их организацией, дальностью маршрута. В целом сохраняя приоритет экономических интересов, добровольные миграции происходили прежде всего внутри региона, имели ряд специфических особенностей, реализуясь по нескольким сценариям. Одним из них выступало отделение молодой семьи от родительской порой не только в пределах того же селения, но и на удаленное расстояние. Отпочкование такого рода могло приводить к формированию заимок, располагавшихся вблизи водоемов или сенокосных угодий, вдоль охотничьих троп. Заимки образовывались и в силу истощенности обрабатываемых ранее почв, что позволяет говорить о потенциально «кочевом» характере земледелия, когда хлебопашцы вынуждены были периодически сниматься с насиженных мест в поисках плодородных земель. Некоторые заимки, куда направлялись их хозяева на время летних работ и устраивали себе пристанища-временки, постепенно превращались в постоянные поселения, получали собственные наименования.

Русские жители Тарского Прииртышья, как и всей Сибири, в условиях относительной свободы передвижения и неприкрепленности к наделу осваивали таким образом все новые земли. При наличии огромных пространств подобная деятельность способствовала слиянию отдаленных друг от друга лакун в единый сельскохозяйственный регион и возникновению полосы сплошного расселения.

Помимо социально-экономических обстоятельств, обеспечивающих внутренние миграции, на первый план могли выступать и природно-географические условия, побуждавшие местных жителей перебираться на новые места в случаях, когда прежняя территория по каким-либо причинам (например, из-за частых разливов рек) становилась неудобной для жизни. Информация о подобных переездах нередко доходила до властей уже как свершившийся факт.

Таким образом, «корневая система» жизнедеятельности населения Тарского уезда как будто не могла позволить себе окончательно углубиться, поскольку предполагалась вероятность переездов на новые места, сочетались элементы статичности и динамики, оседлости и подвижности.

3. Характеристики миграций в Тарском уезде

От составителя Тарского дозора требовалось фиксировать, «откуда родом» глава семейства, благодаря чему в настоящее время представляется возможным узнать о происхождении жителей, установить, являлись ли они уроженцами места их приписки или прибыли из иных земель. Из общего числа учтенных дворовладельцев — служилых и крестьян

(1083 чел.), зафиксированных ДК, отчетливо обозначили свое миграционное прошлое 106 человек (9,8 %) (табл. 1). Принимая во внимание даты основания Тары (1594 год) и ее слобод: Аевской и Биргамацкой (1668 год), Татмыцкой (1682 год), — заметим, что именно самая «молодая» Татмыцкая слобода стала «эпицентром» притяжения переселенческих потоков, количество прибывших сюда составляло 67 дворовладельцев — это 44,7 % от их общего числа. Из всех этих мигрантов 17 человек относились к служилым, а 50 — к крестьянам. В слободе Биргамацкой, соответственно, из 76 владельцев дворов 15 указаны как «пришлые» (19,7 %), 11 человек из которых были крестьянами. В Аевской слободе из 28 дворовладельцев все 11 мигрантов (39,3 %) являлись крестьянами. В деревнях, расположенных в северной части уезда (включая деревни по реке Оше и расположенные вниз по Иртышу), где совокупно учтено 322 двора, зафиксировано только 2 мигранта-крестьянина (0,6 %). В южной части Тарского уезда (в деревнях вверх по Иртышу) на 150 дворов пришлых было 10 человек (6,7 %), из них 7 были крестьянами. В городе Таре, самом старом и самом многочисленном поселении уезда, из всех 357 служилых — владельцев дворов — только 1 обозначил собственное миграционное прошлое.

Таблица 1

Количество дворовладельцев (служилых и крестьян) и переселенцев в населенных пунктах Тарского уезда

Населенные пункты	Служилые (чел.)			Крестьяне (чел.)		
	Всего	Прибывших из европейской России	Прибывших из сибирских мест	Всего	Прибывших из европейской России	Прибывших из сибирских мест
Город Тара	357	1	–	–	–	–
Деревни по реке Оше	136	–	–	–	–	–
Деревни «вниз по Иртышу»	178	–	–	8	–	2
Деревни «вверх по Иртышу»	132	–	3	18	5	2
Слобода Биргамацкая	27	2	2	49	6	5
Слобода Татмыцкая	96	6	11	54	23	27
Слобода Аевская	4	–	–	24	11	–
Всего	930	9	16	153	45	36

Составлено и подсчитано по: [РГАДА, 485 л.].

Некоторые из переселенцев, названных в ДК, осуществляли территориальные перемещения в связи с государевыми нуждами или требованиями, другие — по своей воле. В нарративах Тарского дозора оба варианта миграционных передвижений выражены точно определенными терминами, фиксирующими способы прибытия действующих лиц — участников этих процессов: «прислан» или «привезен», что отражало принуждение, и «пришел», имевшее оттенок добровольной деятельности.

По сообщениям 75 человек, в Сибирь (или, по терминологии ДК, в Тарский уезд либо на Тару) они «пришли». Это составило 71 % от всех мигрантов уезда, которые оказались в регионе как будто по своей воле. Из них 20 человек были служилыми людьми. Однако подобные сведения ДК требуют дополнительного истолкования. Многие служилые свидетельствовали, что в какой-либо из населенных пунктов Тарского уезда они «пришли и служат». В действительности же такие «свободные переезды» могли явиться следствием требования властей о передислокации определенных категорий жителей туда, где возникла потребность в дополнительных людских ресурсах. Государевы указы с подобными распоряжениями ставили задачу верстать желающих поехать на новые земли (как в далекую Сибирь, так и внутри самого региона), включать их в списки добровольцев. Например: Мосейка Яковлев сын Горностаев, родом с Устюга Великого Брюсянской волости, в Сибирь «пришел и служил» в Татмыцкой слободе [РГАДА, л. 254 об.], Ивашко Кондратьев сын Курпеш, родом с Тюмени, «пришел на Тару» в деревню Сеиткулову, где служил в казаках [Там же, л. 229]. Основателем Татмыцкой слободы явился выходец из Верхотурского уезда Ирбитской слободы крестьянский сын Митька Степанов сын Шипицын, которому было велено отправляться для строительства «сдав оброк <...> по челобитью его, по грамоте и по тобольской указной памяти» [Там же, л. 246].

Именно переводы имели эффективность в процессе колонизации новых земель на первых этапах, а позже происходило активное притяжение по-настоящему вольных переселенцев, привлеченных сведениями о крае, возможных перспективах жизнедеятельности. Ими становились чаще всего крестьяне. Из 81 крестьянина Тарского уезда, имевшего миграционное прошлое, 55 человек (68 %) определили характер своего переезда как добровольный. Движимые различными мотивами, они в первую очередь руководствовались хозяйственными потребностями, возможностями применять свой земледельческий опыт на обширных сибирских просторах.

О миграционном прошлом жителей края говорили фамилии, которые изначально являлись личными прозвищами, сложившимися в соответствии с предыдущим местом выхода — Корелин, Тюменцов, Поморцов, Пельмской, Казанцов, Тульской, Вяткин, Мезенин, Шадрин, Новгородцов, Устю-

жанин, Вологжанин, Перминов и др. По подсчетам А. А. Крих, в 1625 году у 21 % казаков имелись такие прозвища [Крих, 2016, с. 15]. Но многие потомки этих служилых в конце XVII века уже не упоминали о прибытии своих предков из иных мест. Аналогичные заключения касаются и крестьян, носивших фамилии, напоминавшие об их происхождении (например, Вятченины в Аевской слободе, Муромцовы и Суздальцовы — в Биргамацкой слободе).

ДК содержит интересные фрагменты, документирующие миграционные истории, длившиеся на протяжении поколений, отложившиеся в памяти потомков. Так, некоторые жители показывали, что их предки были «пришлые», прибыли некогда в пределы Тобольского разряда, а уже сами они впоследствии перебрались в Тарский уезд. Таковы истории тарчанина Оськи Иванова сына Гусельникова, чей отец пришел «из русских городов» в Тюмень [РГАДА, л. 130], служилого Татмыцкой слободы Микишки Тимофеева сына Салдатова Опрельша, чей отец пришел с Ваги в Тарский город [Там же, л. 251 об.]. Память о прошлых переселениях в ДК отражена в конструкции «был отец его родом ...». Так, крестьяне деревни Спасского монастыря упоминали, что их отцы жили ранее в других местностях: Ивашко и Фадюшка Ивановы сыны Холкины сказали, что их «отец-де был родом» из Туринского острога, Илюшка Абросимов сын Хвостов говорил, что отец его был родом из Устюжского уезда [Там же, л. 344, 344 об.]. При этом все названные жители — и служилые, и крестьяне — уже считали себя местными уроженцами, поскольку появились на свет в пределах Тарского уезда.

По материалам ДК можно определить внешние и внутренние места выхода. Внешние миграции, затеавшиеся далеко за пределами Сибири, стартовали из различных населенных пунктов государства Российского, среди которых доминировали поморские уезды (табл. 2). ДК зафиксировала Устюг Великий, откуда прибыло в Тарский уезд 5 человек, Вагу (4 чел.), Вятку, Мезень (по 2 чел.), Холмогоры, Яренск и Сольвычегодск (по 1 чел.). Именно о доминировании этого региона как наиболее активного «поставщика» мигрантов свидетельствовало указание Петра Великого к составителю Тарского дозора 1701 года о необходимости переписать пришлых, прежде всего поморских уездов. Однако Север не был единственным районом, который упоминался прибывавшими в Сибирь: в перечне мест выхода ими поименованы земли Прикамья (Соликамск), Урала (Кунгур). Мигранты перебирались на восток и из центра страны: Суздаля, Костромы, Нижнего Новгорода, Арзамаса, а чаще всего (15 раз) переселенцами была названа Москва. Наконец, другие 15 человек сказали, что приехали «из русских городов», точно их не обозначив.

Всего в качестве мест выходов из-за рубежей Сибири названы 14 населенных пунктов, из которых прибыло 62 человека. В этом числе 45 человек

Таблица 2

Переселенцы, прибывшие в Тарский уезд
из европейской части России

Место выхода	Служилые (чел.)	Крестьяне (чел.)
Русские города	1	14
Москва	1	14
Суздаль	—	1
Кострома	—	1
Нижний Новгород	—	1
Арзамас	—	3
Соликамск	—	1
Кунгур	—	1
Вятка	—	2
Холмогоры	1	—
Мезень	2	—
Устюг Великий	4	1
Яренск	—	1
Вага	—	4
Сольвычегодск	—	1
Всего	9	45

Составлено и подсчитано по: [РГАДА, 485 л.].

(73 %) были крестьянами: значительная их часть — 14 чел. — переехала из Москвы, еще 14 не определили места собственного выхода, указав их как «из русских городов».

В целом же мигранты из европейской части России являлись представителями разных народов. Изначально составившие этнически пеструю динамичную волну, они впоследствии утрачивали былую специфичность и обособленность, вступая в браки как между собой, так и с более ранними переселенцами. На первый взгляд, в дальнейшем должна была сложиться ситуация, когда по окончании длинного пути — переезда и адаптации к новым условиям — сформировавшееся относительно гомогенное сибирское население укоренилось бы на постоянных местах. Но в действительности подобная статичность носила условный и временный характер, поскольку наряду с никогда не прекращавшимися внешними миграциями XVII века, а особенно его второй половины, активизировались внутренние переселения (табл. 3).

Таблица 3

Переселенцы, прибывшие в Тарский уезд из Сибири

Место выхода	Служилые (чел.)	Крестьяне (чел.)
Тюмень	4	1
Тобольск (город, его уезды и слободы)	10	35
Томск	2	–
Всего	16	36

Составлено и подсчитано по: [РГАДА, 485 л.].

По сведениям ДК, в Тарский уезд прибыло 36 крестьян и 16 служилых из других мест Сибири. Подавляющее их большинство перебралось в южную часть региона из главного административного центра, города Тобольска, либо из его уездов и слобод. Обратим внимание, что в численном соотношении наибольшее количество служилых переехало в Тарский уезд именно из других сибирских мест (16 чел.) в сравнении с теми, кто прибыл сюда из Европейской России (9 чел.). Крестьяне, напротив, переселялись преимущественно из европейской части страны (45 против 36).

Составитель ДК должен был не только записать «место выхода» дворовладельца, но и указать время его прибытия в селение Тарского Прииртышья. Затруднились дать ответ на поставленный вопрос 9 человек, объясняя это тем, что в момент переезда были «в малых летех», либо ссылаясь на давность переезда («в прошлых давних годах»). Датой самой ранней (и единственной в 1650-е годы) миграции, зафиксированной ДК, является 1653 год, когда крестьянин Ивашко Кондратьев сын Курпеш из Тюмени «пришел на Тару», в деревню Сеиткулову [РГАДА, л. 229]. На протяжении 1660-х годов в регион прибыло лишь 2 переселенца-крестьянина (один — из Москвы, другой — «из русских городов»). В 1670-е годы число пришедших составило 11 человек, из которых 8 были выходцами из центральной России. В 1680-е годы в Тарский уезд перебрались 39 человек (19 — из европейской части России, 20 — внутрисибирские мигранты). Именно в это десятилетие в регион прибыло много служилых людей (13 чел.). Наибольшее количество мигрантов Тарский уезд принял в 1690-е годы — 41 человек, когда из европейской части страны переселилось 20 человек, а из сибирских мест — 21 человек. При этом пик миграционной активности пришелся на 1692 год, в течение которого в регион прибыло сразу 13 человек.

4. Заключение

Итак, ДК содержит богатый материал о разворачивании миграционных процессов, происходивших в Тарском Прииртышье в конце XVII века.

Сведения документа показывают динамику переселений, когда люди, прошедшие некогда по огромным тысячеверстным путям в далекую Сибирь, останавливались в определенном месте, нередко ненадолго, чтобы в какой-то момент начать новое движение, на этот раз уже в относительно обозримом пространстве.

Характеристики миграционных процессов, освещаемых ДК, во многом связаны с тем, что в большинстве своем их изначально реализовывали служилые люди — профессиональные воины, освоившие крестьянское ремесло, поскольку занятие земледелием стало необходимым условием их жизнедеятельности. Потому смысл переселений, с одной стороны, определялся синтезом быстрых перемещений со стремлением установить вооруженный контроль за подвластными землями, а с другой — адаптацией к окружающей среде, овладением способами ведения земледельческого хозяйства для самообеспечения хлебом. Значительную долю жителей Тарского уезда в XVII веке стали составлять и крестьяне, чей миграционный потенциал был выше, чем у служилых людей, что обещало дальнейший прирост числа тех жителей, которые будут заниматься хлебопашеством, обеспечивая грядущую аграрную колонизацию сибирского региона. Очевидно, что миграционные потоки нередко становились фактором возникновения новых русских земледельческих поселений. Чаще всего они создавались в виде слобод, которые сначала принимали значительную часть переселенцев, а затем оказывались инспираторами новых колонизационных волн.

Характер ДК как документа, призванного упорядочить данные фискального характера на освоенных территориях, обуславливал заострение внимания его составителя на пунктах приписки жителей, а не на местах их выхода, особенно если переезды совершались достаточно давно. Неудивительно поэтому, что нередко явившиеся к дозору неточно указывали селение, откуда они «пришли» или «присланы», к тому же сведения об их прибытии в Сибирь или на Тару спустя 40—50 лет уже стали забываться.

За рамками документа осталась значительная часть информации о жителях уезда: неясно общее количество переселенцев и членов их семей, неведомы судьбы женщин, сведения о которых лишь изредка «мелькают» в текстах ДК, что затрудняет воссоздание важных деталей миграционных процессов. Тем не менее в целом ДК является документом, позволяющим раскрыть панораму разворачивания переселений и тем самым внести дополнительные штрихи в освещение хода колонизации Сибири конца XVII века.

Источники и принятые сокращения

1. ДК — *Дозорная книга* Тарского уезда 1701 года.

2. РГАДА — *Российский Государственный исторический архив*. Ф. 214 (Сибирский приказ). Оп. 1. Д. 1182. 425 л.

3. *Хорографическая* чертежная книга Сибири Семена Ульяновича Ремезова : В 2 т. — Тобольск : Возрождение Тобольска, 2011. — Т. 1 : Факсимильное издание. — 344 с. — ISBN 5-86712-025-2.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бакиева Г. Т.* Поволжские татары в Западной Сибири : особенности расселения и этнокультурного развития / Г. Т. Бакиева, Ю. Н. Квашнин // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. — 2013. — № 3 (22). — С. 156—164.

2. *Бережнова М. Л.* Дозорная книга Тарского уезда 1701 г. как источник по этнографии народов Тарского Прииртышья / М. Л. Бережнова, Н. В. Кабакова, С. Н. Корусенко // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. — 2013. — № 4 (23). — С. 111—116.

3. *Бережнова М. Л.* Дозорная книга Тарского уезда 1701 г. : к вопросу о причинах составления и содержании / М. Л. Бережнова, Н. В. Кабакова, С. Н. Корусенко // *Вестник Омского университета*. Серия : Исторические науки. — 2014. — № 1 (1). — С. 62—69.

4. *Будинский П. Н.* Заселение Сибири и быт ее первых насельников / П. Н. Будинский. — Харьков : Типография Губернского правления, 1889. — 345 с.

5. *Головнев А. В.* Антропология движения (древности Северной Евразии) / А. В. Головнев. — Екатеринбург : УрО РАН ; Волот, 2009. — 497 с. — ISBN 978-5-89088-037-6: 315.

6. *Головнев А. В.* Феномен колонизации / А. В. Головнев. — Екатеринбург : УрО РАН, 2015. — 592 с. — ISBN 978-5-7691-2424-2.

7. *Земледельческое хозяйство Западной Сибири в XVII — начало XVIII в.* : Сборник архивных источников / [Сост. Н. А. Балюк]. — Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 2001. — 180 с. — ISBN 5-88081-261-8.

8. *Зуев А. С.* Этнический состав сибирских служивых людей в конце XVI — начале XVIII века / А. С. Зуев, А. А. Люцидарская // *Вестник Новосибирского государственного университета*. Серия : История, филология. — 2010. — Т. 9. — № 1. — С. 52—69.

9. *Кабакова Н. В.* Делопроизводственные и картографические источники рубежа XVII—XVIII вв. : феномен «узнавания» новых пространств империи / Н. В. Кабакова, С. Н. Корусенко // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. — 2019. — № 4 (47). — С. 165—173. — DOI: 10.20874/ 2071-0437-2019-47-4-13.

10. *Колева Г. Ю.* Отголоски эпохи «сибирского взятия» : Волковы из деревни Волкова у озера Волково / Г. Ю. Колева // *Вестник Тюменского государственного университета*. — 2014. — № 2. История. — С. 57—66.

11. *Колесников А. Д.* Русское население Западной Сибири в XVIII — начале XIX вв. / А. Д. Колесников. — Омск : Западно-Сибирское книжное издательство, 1973. — 440 с.

12. *Крих А. А.* Русское население Тарского Прииртышья : историко-генеалогические очерки (XVII — начало XX века) / А. А. Крих. — Омск : Издательский дом «Наука», 2016. — 263 с. — ISBN 978-5-98806-231-8.

13. *Липинская В. А.* Старожилы и переселенцы : Русские на Алтае. XVIII — начало XX века / В. А. Липинская. — Москва : Наука, 1996. — 269 с. — ISBN 5-02-009501-X.

14. *Никитин Н. И.* Служивые люди в Западной Сибири / Н. И. Никитин. — Новосибирск : Наука, 1988. — 256 с. — ISBN 5-02-028971-X.

15. *Никитин Н. И.* Тобольская «литва» в XVII в. / Н. И. Никитин // *Город и горожане России в XVII — первой половине XIX в.* : сборник статей. — Москва : Институт истории СССР, 1991. — С. 47—73.

16. *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века / А. А. Преображенский. — Москва : Наука, 1972. — 392 с.

17. *Пузанов В. Д.* Военные факторы русской колонизации Западной Сибири. Конец XVI — XVII в. / В. Д. Пузанов. — Санкт-Петербург : Алетей, 2010. — 431 с. — ISBN 978-5-91419-268-3.

18. *Пузанов В. Д.* Служилое казачество и присоединение Сибири к России (конец XVI — XVII века) / В. Д. Пузанов // Забайкальское казачество: история и современность : Материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. — Чита : Забайкальский государственный университет, 2018. — С. 60—63.

19. *Раев Д. В.* О посылке иноземцев в Сибирь в 1635 г. / Д. В. Раев, Д. Я. Резун // Сибирский плавильный котел : социально-демографические процессы в Северной Азии XVI — начала XX века. — Новосибирск : Сибирский Хронограф, 2004. — С. 13—21.

20. *Рябцева В. А.* Миграционные потоки старообрядцев в Западную Сибирь / В. А. Рябцева // Вестник КемГУКИ. — 2013. — № 24. — С. 63—72.

21. *Шунков В. И.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII веков / В. И. Шунков. — Москва ; Ленинград : Издательство Акад. наук СССР, 1946. — 288 с.

22. *Щепанская Т. Б.* Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX — XX вв. / Т. Б. Щепанская. — Москва : «Индрик», 2003. — 528 с. — ISBN 5-85759-176-7 : 1200.

MATERIAL RESOURCES

Chorographic drawing book of Siberia by Semyon Ulyanovich Remezov: In 2 volum, 1: Facsimile edition. (2011). Tobolsk: Rebirth of Tobolsk. 344 p. ISBN 5-86712-025-2. (In Russ).

DC — *The patrol book of the Tarsky uyezd of 1701.* (In Russ).

RGADA — *Russian State Historical Archive. F. 214 (Siberian Order). Op. 1. d. 1182. 425 l.* (In Russ).

REFERENCES

Agricultural economy of Western Siberia in the XVII — beginning of the XVIII century: collection of archival sources. (2001). Tyumen: Publishing House of the Tyumen State University. 180 p. ISBN 5-88081-261-8. (In Russ).

Bakieva, G. T., Kvashnin, Yu. N. (2013). Volga Tatars in Western Siberia: features of settlement and ethnocultural development. *Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*, 3 (22): 156—164. (In Russ).

Berezhnova, M. L., Kabakova, N. V., Korusenko, S. N. (2013). The watch book of the Tarsky uyezd of 1701 as a source for the ethnography of the peoples of the Tarsky Priirtshyhe. *Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*, 4 (23): 111—116. (In Russ).

Berezhnova, M. L., Kabakova, N. V., Korusenko, S. N. (2014). The watch book of the Tarsky uyezd of 1701: on the question of the reasons for the compilation and content. *Bulletin of Omsk University. Series: Historical Sciences*, 1 (1): 62—69. (In Russ).

Bucinsky, P. N. (1889). *Settlement of Siberia and the life of its first inhabitants.* Kharkiv: Printing house of the Provincial government. 345 p. (In Russ).

- Golovnev, A. V. (2009). *Anthropology of movement (antiquities of Northern Eurasia)*. Yekaterinburg: UrO RAS; Volot. 497 p. ISBN 978-5-89088-037-6. (In Russ).
- Golovnev, A. V. (2015). *The phenomenon of colonization*. Yekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 592 p. ISBN 978-5-7691-2424-2. (In Russ).
- Kabakova, N. V., Korusenko, S. N. (2019). Clerical and cartographic sources of the turn of the XVII—XVIII centuries: the phenomenon of “recognition” of new spaces of the Empire. *Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*, 4 (47): 165—173. DOI: 10.20874/2071-0437-2019-47-4-13. (In Russ).
- Kolesnikov, A. D. (1973). *The Russian population of Western Siberia in the XVIII — early XIX centuries*. Omsk: West Siberian Book Publishing House. 440 p. (In Russ).
- Koleva, G. Yu. (2014). Echoes of the era of the “Siberian capture”: Volkovs from the village of Volkovo near Lake Volkovo. *Bulletin of the Tyumen State University*, 2: *History*: 57—66. (In Russ).
- Krikh, A. A. (2016). *The Russian population of the Tarsky Irtysh region: historical and genealogical essays (XVII — early XX century)*. Omsk: Publishing House “Nauka”. 263 p. ISBN 978-5-98806-231-8. (In Russ).
- Lipinskaya, V. A. (1996). *Old-timers and immigrants: Russians in the Altai. XVI — the beginning of the XX century*. Moscow: Nauka. 269 p. ISBN 5-02-009501-X. (In Russ).
- Nikitin, N. I. (1988). *Serviceable people in Western Siberia*. Novosibirsk: Nauka. 256 p. ISBN 5-02-028971-X. (In Russ).
- Nikitin, N. I. (1991). Tobolsk “Lithuania” in the XVII century. In: *The city and the citizens of Russia in the XVII — first half of the XIX century: a collection of articles*. Moscow: Institute of History of the USSR. 47—73. (In Russ).
- Preobrazhensky, A. A. (1972). *The Urals and Western Siberia at the end of the XV — beginning of the XVIII century*. Moscow: Nauka. 392 p. (In Russ).
- Puzanov, V. D. (2010). *Military factors of the Russian colonization of Western Siberia. The end of the XVI—XVII century*. Saint Petersburg: Aletheia. 431 p. ISBN 978-5-91419-268-3. (In Russ).
- Puzanov, V. D. (2018). Serving Cossacks and the annexation of Siberia to Russia (the end of XVI — XVII centuries). In: *TRANS — Baikal Cossacks: history and modernity: Materials of all-Russian (with international participation) scientific and practical conference*. Chita: Zabaykalsky State University. 60—63. (In Russ).
- Raev, D. V., Rezun, D. Ya. (2004). About sending foreigners to Siberia in 1635. In: *Siberian melting pot: socio-demographic processes in North Asia of the XV — early XX century*. Novosibirsk: Siberian Chronograph. 13—21. (In Russ).
- Ryabtseva, V. A. (2013). Migration flows of Old Believers to Western Siberia. *Bulletin of KemGUKI*, 24: 63—72. (In Russ).
- Shchepanskaya, T. B. (2003). *Culture of the road in the Russian mythological tradition of the XIX—XX centuries*. Moscow: “Indrik”. 528 p. ISBN 5-85759-176-7: 1200. (In Russ).
- Shunkov, V. I. (1946). *Essays on the history of colonization of Siberia in the XVII — early XVIII centuries*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 288 p. (In Russ).
- Zuev, A. S., Lucidarskay, A. A. (2010). The ethnic composition of Siberian service people at the end of the XVI-beginning of the XVIII century. *Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology*, 9 (1): 52—69. (In Russ).